

6. Суходубова І. В. Мова закону як умова його ефективності і стабільності / І. В. Суходубова // Проблеми законності. Вип. 92. - Х. : Нац. юрид. акад. України ім. Я. Мудрого, 2007. - С. 10-16.
7. Podlex A. Rechtlinguistik // Grimm, Dieter [Hrsg.]. Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. Bd. II, Munchen: Beck, 1976, S. 105-116.

*Коваленко А. В.,
соискатель кафедры логики Национального университета
«Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»,
г. Харьков*

Подход Р. Дворкина к юридической интерпретации

Согласно Р. Дворкину, право является «интерпретируемым понятием» (interpretive concept [1, 87]), которое позволяет нам ориентироваться при несогласии судей в «трудных делах» (hard cases). Дворкин посвящает свою книгу «Империя права» (1986) рассмотрению вопросов, почему мы должны «верить тому, что говорят наши судьи» и «принимать мнения судей именно такими, какими они изложены в тяжелых делах» [1, 90]. Он считает неудовлетворительными как взгляд на право как на простой факт (plain fact), согласно которому всегда существует действующий закон, способный рационально решить любую проблему (версия непрофессионала), так и тот взгляд, что действующий закон может молчать относительно некоторых проблем, зато судья через свою дискреционную власть создает новое право (профессиональная академическая версия).

Дворкин отстаивает идею «права как порядочности» (law as integrity), согласно которой судьи создают рационально и морально взвешенную сеть юридических принципов, которые служат основой права. Отметим, что понимание Дворкиным права как *integrity* отличается от концепции «интегральной» или «интегративной юриспруденции», предложенной в 1950-х гг. Дж. Холлом (Jerome Hall) как сочетания моральных и правовых ценностей. Независимо от него Г. Берман (Harold J. Berman) в 1960-70 гг. под «интегративностью» имел в виду объединение подходов юридического позитивизма, естественного права и исторической школы. На постсоветском пространстве к этой второй тенденции присоединяются некоторые российские исследователи, например В. Графский и Н. Евдеева. Дворкин же подразумевает чисто американское понимание термина *integrity*, как нравственной добродетели – «искренности», «порядочности», «честности», – в отличие от присущего математикам и философам-онтологам понимания *integrity* как «целостности».

Дворкин предлагает метафорический образ идеального Судьи-Геркулеса, который якобы знает все принципы, необходимые для оптимального решения, и разбирается во всех хитросплетениях действующих законов. Таким образом, Геркулес является судьей со сверхчеловеческими интеллектуальными способностями, гуманностью и терпением.

Дворкина особенно интересует, как судьи решают, каким является право в «трудных делах». Показывая, что судьи должны интерпретировать, а не просто механически применять прежние судебные решения (прецеденты), он разрабатывает общую теорию интерпретации, которая способна объяснить, почему одна судебная интерпретация лучше других. Дворкин настаивает на том, что для каждого трудного дела есть только одно решение, которое соответствует обязательствам общества обращаться с его членами последовательным и принципиальным образом.

Когда мы используем термин «интерпретация», следует прежде всего разобраться, что именно мы имеем в виду. «Если общество использует интерпретируемые понятия, понятие самой интерпретации будет одним из них: теория интерпретации есть интерпретация практики более высокого порядка употребления интерпретируемых понятий» [1, 49]. Чтобы избежать недоразумений и споров, которые часто наблюдаются среди литературоведов, философов и представителей других социальных наук, Дворкин предлагает свой подход к определению интерпретации. «Если право есть интерпретируемое понятие, любая заслуживающая внимания юриспруденция должна быть основана на некотором представлении о том, что такое интерпретация...» [1, 50].

Дворкин исходит из того факта, что интерпретация в сфере права является только одной из многообразных форм интерпретации. Люди интерпретируют во многих контекстах, которые могут сильно различаться между собой. Наиболее распространенный случай интерпретации знаком нам по обычному разговору (*conversational interpretation*). Мы интерпретируем звуки или знаки, которые делает другой человек, чтобы понять, что он сказал. Это повседневный контекст.

Научная интерпретация (*scientific interpretation*) осуществляется в другом контексте: мы говорим, что ученый сначала собирает данные и затем их интерпретирует. Художественная интерпретация (*artistic interpretation*) дает еще одну форму: критики интерпретируют стихи, пьесы и картины, чтобы выразить определенные взгляды на их значения. Форма интерпретации, свойственная праву, похожа на художественную интерпретацию: обе имеют целью интерпретировать то, что создано людьми, как их сущность, одновременно отличную от них, т. е. не того, что именно люди говорят, как в разговорной интерпретации, и не событий, независимых от людей, как в научной интерпретации. Это сходство позволяет рассматривать юридическую интерпретацию как «творческую» («*creative*» *interpretation*).

По мнению Дворкина, разговорная интерпретация является скорее целенаправленной, а не причинной, как научная интерпретация, поскольку не объясняет отдельные звуки речи, а приписывает им значение в свете тех мотивов, целей и проблем, которые предполагаются у субъекта речи. На основании этих предположений проводятся выводы относительно его «намерения» («*intention*»). Так же и юридическая интерпретация принципиально целеустремленна, но ее отличие от обычной разговорной интерпретации состоит в ее творческом элементе. Сама же творческая

інтерпретація являється не розговорною, а конструктивною, тому що передполагає свідомий вибір інтерпретатора. «Вибір кожного інтерпретатора повинен відобразити його думку, яка інтерпретація має більшу цінність для практики» [1, 52].

Література

1. Dworkin R. Law's Empire – Cambridge, Massachusetts / London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1986. – XIV, 471 p.

*Кузнецова М. О.,
студентки 6 курсу Харківської національної
академії міського господарства,
м. Харків*

Логіка і мова права

В природній мові ситуація наявності багатозначних, неточних і незрозумілих висловів є цілком припустимою, то в спеціалізованих мовах наук намагаються запобігти їх виникненню та існуванню. Однозначність, усність і точність – це три вимоги, що висувають до мови будь-якої науки, зокрема, до мови права.

Невизначеність правової термінології у більшості випадків як практичної, так і теоретичної діяльності правознавця може призвести до небажаних результатів. Тому мова права містить таку термінологію, яка відповідає вищезазначеним вимогам.

Так, наприклад, у судочинстві завжди потрібно знати, чи підпадають дії людини під ту чи іншу статтю закону. Від цього знання безпосередньо залежить життя та доля людини, визначення її винності або невинності. В зв'язку з цим у правових кодексах намагаються однозначно, чітко та ясно зафіксувати термінологію, яка використовується в судочинстві. Зокрема, намагаються чітко вказати, які саме дії підпадають під означення «злочину», «крадіжки», «спекуляції», «хуліганства» тощо.

Однак треба зазначити, що в праві також існують терміни, які можна охарактеризувати як багатозначні, нечіткі або неясні.

Наведемо декілька прикладів.

У сучасній літературі з порівняльного правознавства щодо терміна «загальне право» зазначається: термін «загальне право», як зараз з'ясовується, неоднозначний. Часто під цим терміном розуміють право англо-американської правової сім'ї в цілому. Окрім того, цей термін охоче протиставляють терміну «цивільне право», під яким розуміють правову систему країн континентальної Європи, що знаходиться під сильним впливом джерел римського права, і споріднені правові системи. Під «загальним правом» у вузькому значенні цього слова розуміють лише право англійських королівських судів. Його слід відрізнити, з одного боку, від «статутного» права, що формується